

Краткое изложение содержания монографии

Ближний Восток – это регион, который много десятилетий находится в центре внимания, поскольку он постоянно преподносит такие «сюрпризы» и повороты, которые ощутимо отражаются на всем мире. Это неудивительно, ибо здесь тесно сплелись геополитические интересы мировых и региональных держав; крупнейшие запасы энергоресурсов позволяют влиять на уровень цен на них, а острые проявления религиозного фанатизма создают питательную среду для террористов. Стоит также упомянуть неурегулированные вопросы создания национальных государств, пестроту этнического и религиозного состава населения во многих местах, избыток богатства, громадные закупки вооружения и многое другое, чтобы представить сложность и тревожность общей картины.

Начавшаяся здесь в конце 2010 г. цепь революций первоначально вызвала восторженную реакцию Запада и наиболее образованных слоев исламского общества. Поэтому данные революции получили название «Арабская весна». Но, к сожалению, они не решили практически ни одной из стоящих проблем ни в одной из стран и в то же время вызвали череду переворотов, гражданских войн, интервенций и неутрачивающее противостояние в обществе, ведущее к разгулу террора и репрессий. Словом, Арабская весна сменилась Арабской осенью, которая грозит затянуться.

Революции сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. История некоторых регионов, например эллинистических государств и Древнего Рима, а равно и многих государств Востока, может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти. Но одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода Новой истории. С крупнейшими социальными и политическими революциями в Англии, Франции, других странах Европы, Северной Америки, а затем и остальных континентов обычно связывают ускорение модернизации и глубокие трансформации общества.

В основе революций начиная с Нового времени в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан и молодежи в его структуре, что часто вызывает социальное напряжение.

Наши исследования на примере целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи показали, что сами процессы модернизации независимо от уровня потребления и темпов демографического роста достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Поэтому в качестве исключения следует рассматривать скорее случаи бескризисного развития в условиях модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, чем случаи революций и политических потрясений.

В результате нередко получается, что революции происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по такой модели, что мы подробно анализируем в *Главах 2 и 7* настоящей монографии.

По мере ускорения исторического развития множилось и число революций. Особенно богат ими оказался XX век. Революция – это особая форма смены политической власти или политического (социально-политического) режима. Большой знаток теории революции В. И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти. Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции означает значительно более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса (но при этом нередко – и антипрогресса).

Кроме того, отношение к ним менялось в зависимости от общественной позиции социальных исследователей и общего состояния общества. Так, в XX в. революции стали связывать с опасностью установления коммунистических режимов, поэтому большинство западных политологов оценивали их негативно, а общий тренд исследований в странах Запада шел в направлении необходимости понять причины революции и найти способы их предотвращения.

Крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального прогресса в современный период. Однако, как это ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза установления коммунистических режимов в результате революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для западных стран явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию рассматривать как в любом случае позитивную форму. Так ли это, исследуется в настоящей монографии, особенно во второй и последней ее главах.

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых увеличилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», нестихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран. Таким образом, революции вновь стали использовать как важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. Влияние зарубежных сил на революции на Ближнем Востоке прослеживается очень ясно (об этом подробно идет речь в нашей монографии). Но важно понимать, что революции никогда не определяются только внешним воздействием, они всегда являются результатом внутреннего кризиса. Причины и

условия такого кризиса в отношении целого ряда ближневосточных стран мы пытаемся проследить в представленной монографии.

В то же время, как показано выше, общепризнанного определения революции не существует. Это связано еще и с тем, что революционные или квазиреволюционные потрясения происходят в странах с очень разным уровнем развития. Если революции в таких государствах, как Египет и Тунис, определялись внутренним социальным напряжением, то в ряде других арабских стран потрясения были вызваны внутренними этноконфессиональными противоречиями. Они никогда на самом деле не исчезали и получили импульс вследствие целого набора факторов, включавших в себя, помимо собственно социального недовольства, также пример других стран, инспирирование протестов и активную помощь извне. Это мы видим на примере Ливии, Йемена, Сирии, в которых фактор внешнего вмешательства, прямой или прикрытой интервенции развязал узел этноконфессиональной вражды. Последняя сдерживалась только достаточно жесткими и авторитарными режимами. Стоило только свергнуть этот режим, как в стране начинался хаос. Для стран, в которых не сложилась прочная государственность, имеющих низкий уровень культуры многих групп населения, идея революции является крайне опасной и ведет к дестабилизации. Таким образом, демократические идеи приходят в столкновение с потребностями в стабильности, в результате порядок передачи власти в авторитарных режимах становится их уязвимой точкой.

Важно подчеркнуть, что за пять лет ни одна революция Арабской весны не решила ни одной серьезной проблемы (и, видимо, не могла решить). Приходится констатировать: все, что требовалось делать для модернизации, либо уже делалось, либо могло делаться в рамках авторитарных режимов. Все это ставит вопрос о том, насколько универсальными могут считаться демократические принципы управления.

Революции, безусловно, могут всколыхнуть общество, активизировать новые силы, поднять на повестку дня актуальные вопросы, дать большой политический опыт. Они могут что-то изменить в позитивном плане. Но не так уж много шансов на то, что революции реально решат наиболее важные проблемы. И, к сожалению, пока модель развития идет не по желательной схеме от революции к демократии, а от революции либо к контрреволюции (как в Егип-

те), что выглядит предпочтительнее, либо к новым революциям, или просто к хаосу и гражданской войне всех со всеми, что мы видим сегодня в Ливии, Йемене, Сирии. А то и к возникновению террористических образований вроде «Исламского государства».

Из всех государств, в значительной мере вовлеченных в события Арабской весны, Тунис и Египет по-прежнему остаются наиболее экономически благополучными. Тем не менее Тунис, будучи наиболее модернизированным, хотя и смог удержаться от политического срыва (там сохранилась какая-то хрупкая, но реальная демократия), в экономическом плане оказался в худшем положении, чем до «жасминовой революции». И хотя умеренные исламисты из партии «Ан-Нахда» обещали повторить в стране турецкую модель – успешную, быстро развивающуюся демократическую страну, в которой важное место отведено религии, однако вскоре выяснилось, что у них это не получается. К тому же исламистский террор измучил и Тунис, а вместе с этим возникла и опасность введения более жесткого режима (пока еще в виде военного положения).

В то же время Египет, совершивший контрреволюционный переворот, демонстрирует хорошие экономические показатели. Получается, назад, к контрреволюции? Однако нельзя забывать, что военные в Египте, загнавшие «Братьев-мусульман» в подполье и установившие еще более жесткую диктатуру, чем раньше, рискуют «наступить на те же грабли», что привели к революции 2011 г. Словом, арабские страны могут пойти в развитии не по прямой, а по социально-политической спирали.

Настоящая монография состоит из семи глав, объединенных в три части, *Введения, Заключения* и двух *Приложений*. *Приложение 1* представляет собой очень интересный документ; это подборка писем, которые показывают эволюцию взглядов революционеров: от эйфории до разочарования. *Приложение 2* является хронологией событий, объективно и бескомпромиссно рисующей небывалый размах революционных событий и почти неизбежное их перерастание в более или менее затяжные и кровавые внутриобщественные конфликты.

Во *Введении*, названном «Революции в XXI веке, плюсы и минусы», дан обзор взглядов на революции в течение более, чем столетия, анализируются изменения, которые претерпели как сами революции, так и взгляды на них в конце XX – начале XXI вв.

Часть первая «Политическая теория и ближневосточная реальность» состоит из двух глав. *Глава 1* «Факторы арабских революций» представляет социально-экономический и демографический анализ процессов и изменений в Арабском мире за последние полвека, которые во многом объясняют причины арабских революций и контрреволюций. Быстрый рост населения, увеличенный процент молодежных когорт в нем (так называемый «молодежный бугор»), быстрые изменения в образовании, образе и уровне жизни сосуществуют тут вместе с неграмотностью, высоким авторитетом религиозных фундаменталистов, безработицей и мн. др. Все это подпитываемое неудовлетворенностью уровнем справедливости, системой распределения благ, nepoтизмом, коррупцией, недостатком демократии и в целом социально-политическим строем арабских государств, что при определенных условиях (речь идет, в частности, о взрывообразном глобальном росте цен на продовольствие в 2010–2011 гг.) и активном вмешательстве извне и привело к революционным взрывам.

Глава 2 «Революция, контрреволюция и демократия (на примере событий в Египте)» представляет собой теоретический анализ взаимоотношения революций и демократии, обильно опирающийся на исторические примеры и события Арабской весны, особенно в Египте. В главе показывается, что революция далеко не всегда ведет к демократии, что переход к демократии требует определенного уровня развития, менталитета и готовности большинства населения. В противном случае революции могут даже задержать переход к демократии, что мы и видим на примере многих арабских государств.

Часть вторая не случайно названа «Парадоксы Арабской весны», поскольку в каждой из трех глав показывается, как эйфория революции и первоначальных ее лозунгов сменяется глубоким расколом общества, падением уровня жизни, перерастанием мирных протестов в затяжные конфликты, гражданские войны и военную интервенцию.

В *Главе 3* «Сирийский тупик» показывается эволюция внутрисирийского конфликта, вокруг которого разгорелись крупные геополитические страсти, втянувшие в себя десятки государств, включая Иран, Ливан, Саудовскую Аравию, Турцию, США, Европу, Россию и др. В итоге на авансцену вышло Исламское государство,

представляющее собой один из самых неприятных «сюрпризов» Ближнего Востока, без сомнения, исключительно богатого на такого рода «сюрпризы». Исламскому государству посвящена *Глава 5*, о которой будет сказано ниже.

Глава 4 «Ненастная Арабская осень: Йемен в 2014–2015 гг.» посвящена еще одному тупику Арабской весны – Йемену. С трудом собранное после длительной гражданской войны государство и без того в своем развитии отставало от соседей. Попытки с помощью революции ввести демократию в нем оживили старые конфликты и добавили новые. В итоге в настоящее время Йемен расколот, объят новой гражданской войной, резко усиленной интервенцией стран Залива. Все это подтверждает идею о том, что попытки с сегодня на завтра ввести демократию в несложившихся государствах, особенно в государствах, в которых отсутствует этноконфессиональное единство (как Ливия, Ирак, Сирия, Йемен и др.) ведут к дестабилизации обстановки, росту конфликтов и гуманитарным катастрофам. Помимо этого, в результате происходит распад ранее стабильных государств, что ведет к ускоренному распространению исламистско-террористической идеологии.

Глава 5 названа нами ««Исламское государство» – нежеланное дитя Арабской весны». В анализе событий в данной монографии авторы активно используют «закон» Бердяева: *«Все революции кончатся реакциями»*, поскольку события на Ближнем Востоке очень хорошо его подтверждают. Однако, расширяя этот закон, можно сказать, что и всякие вмешательства также часто кончатся реакциями. Вот почему можно считать, что *ИГИЛ – это реакция на вмешательство Запада и США*.

Наконец, в **третьей части** монографии («Ближний Восток и нестабильность в Мир-Системе») мы показываем влияние мир-системного фактора на изменения в арабских странах, а с другой стороны, доказываем, что турбулентные события последних пяти лет на Большом Ближнем Востоке – это один из показателей того, что и вся Мир-Система пришла в мощное движение, которое мы назвали ее реконfigurацией. Эта часть монографии анализирует тесные взаимосвязи между событиями на Ближнем Востоке и глобальными изменениями.

Глава 6 «Революционная волна 2013–2014 гг. на Ближнем Востоке и в мире: количественный анализ» анализирует некоторые

особенности протестов и революций на Ближнем Востоке в сравнении их с аналогичными явлениями и в других частях Мир-Системы. В частности анализируется два типа протестных движений: периферийный и центральный. В итоге становится очевидным, что при всей своей специфике революции и контрреволюции на Ближнем Востоке имеют и довольно много общих черт в аналогичными событиями в других регионах.

В Главе 7 «Потрясения на Ближнем Востоке и реконфигурация Мир-Системы» дается характеристика мощных социальных движений конца 2010 – 2011 г. и их последствий в 2012–2015 гг. в Арабском мире с точки зрения теорий революции и модернизации. События Арабской весны и последующих за ней событий анализируются в двух аспектах: во-первых, исследуются причины, их породившие, как внутренние, так и глобальные (в частности, глобальный кризис и агфляция), а во-вторых, их влияние на будущие сценарии развития Мир-Системы. Авторы дают объяснения удивительной синхронности социальных волнений в дюжине арабских государств. В главе исследуются аналогичные по синхронности революционные события в истории, которые всегда означали крупные перемены в Мир-Системе. В итоге становится ясным, что бурные события в арабских странах также являются предвестником или началом структурных изменений мира, его реконфигурации.

В *Заключении*, названном «Сюрпризы и противоречия Ближнего Востока», дается краткий анализ различных важных событий, которые не попали в объект анализа в основной части книги, таких как, например, роль Ирана и Турции, переговоры вокруг иранской ядерной программы и др. Но главным образом *Заключение* посвящено анализу общих изменений на Ближнем Востоке (в частности, уменьшению роли Израиля), трансформации политики США там и тем последствиям, которые возникли в результате противоречивой и крайне эгоистической политике последних. Авторы делают вывод, что сегодня налицо ситуация, которая объективно заставляет более ответственно относиться к результатам внешней политики и геополитических акций, в то время как западные страны действуют, как будто на дворе XIX, а не XXI в. Однако в эпоху глобализации реакция на такие действия будет достаточно быстрой и может оказаться неожиданной, что мы и видим на примере кризиса с беженцами в Европе.

В целом настоящая монография на базе разностороннего теоретического исследования феномена революций дает глубокий анализ событий последних пяти лет на Ближнем Востоке, обобщает итоги предшествующего развития этого региона, раскрывает причины революционных неудач; подводит читателя к выводу, что турбулентность на Ближнем Востоке является началом нового процесса, охватившего мир, который назван авторами реконfigurацией Мир-Системы. Книга содержит множество интересных фактов, обобщений и точек зрения. Поэтому она будет интересна и полезна не только специалистам, но и всем, интересующимся проблемами Ближнего Востока.

Безусловно, тема арабских революций требует большого внимания и дополнительных исследований. Однако мы надеемся, что предложенная монография также внесет свою лепту в ее понимание.